

ДВА “ПРИЗНАНИЯ”: А. С. ПУШКИН И Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

Примечательно высказывание Пушкина в письме к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 года: “Баратынский - прелесть и чудо, “Признание” - совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...”. Комментируя данное пушкинское высказывание, современный критик отмечает: “Это не кокетство: действительно, к началу 24 года сам он (Пушкин. - О.З.) не писал лирических стихотворений такой выразительной силы и глубины, как “Признание”. Поясним, что в приведенном контексте “Признание” - это знаменитая элегия Баратынского “Притворной нежности не требуй от меня...”, точнее ее первая редакция, опубликованная в альманахе “Полярная звезда” за 1824 год.

Баратынский, чье элегическое творчество Пушкин оценивал как новаторское и непревзойденное (“Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет”), в “Признании” кардинально перестраивает традиционную элегическую ситуацию, осваивает новую для лирики область романтических конфликтов. Типичная для романа коллизия - “конфликт между поэзией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений, а также случайностью внешних обстоятельств” - достаточно полно проявляется в жанровой структуре элегии. Прошлое для поэта уже не обладает абсолютной ценностью; не ретроспективный ход мышления направляет развитие лирического сюжета, а беспощадный анализ мельчайших душевных движений, “скрытый пафос романного исследования человека” (Б.О.Корман).

Однако, оценивая в общих чертах концепцию личности, воплощенную в элегии Баратынского, необходимо признать, что в основе своей она формируется под воздействием принципов нормативного мышления, генетически восходящих к исторической форме французского аналитического романа. Как и в “Адольфe” Б. Констана, в “Признании” может быть выявлена развернутая система рационалистических категорий, выраженная, прежде всего в “логически ясных парных противопоставлениях”: например, чувство - рассудок, любовная страсть - обдуманый брак и т.п. Разрешение центральной для всей элегии коллизии - противостояния “ума” и “сердца” - заканчивается дискредитацией последнего перед лицом сверхличных истин, отлитых в готовые формы интеллектуального

знания (ср. "Верь, беден я одним: любви я знаю цену, - Но сердцем жить не буду вновь"; "Сердечной прихоти мы воли не дадим, / Мы не сердца Гимена связью холодной - / Мы жребий свой один соединим". Подобные фаталистические выводы автора находят подкрепление в настоятельных усилиях по гармонизации человеческих отношений. Идеалом для поэта остается душевное спокойствие, равновесие всех жизненных сил, достигаемое полной победой судьбины, всевластием рассудка (ср. "Печаль бесплодную рассудком умири, / Как я безропотно покорствуя судьбине". Прибегая к рационально-логическим "оправданиям", Баратынский "растворяет конкретную психологическую ситуацию прощания в общем потоке морально-философской медитации.

В августе - сентябре 1824 года Пушкин пишет свое "Признание" ("Я вас люблю, - хоть я бешусь..."), обращенное к А. И. Осиповой и при жизни поэта не опубликованное, как считается по причине особой интимности. Наше внимание привлекает тот факт, что сам заголовок, жанровый строй и философия пушкинского шедевра предполагают не только знакомство, но, по всей видимости, и открытую полемику с одноименным стихотворением Баратынского.

Пушкинское "Признание" уже совершенно свободно от примата логического построения сюжета, обнаруживая в своей композиции подчас совсем неожиданные "музыкальные" ходы. Складывающийся при этом новый тип повествовательности реагирует на малейшие изменения в интонационном строе стиха, развитие сюжета предполагает всякий раз свободное движение индивидуальной поэтической интонации. Лирическая стихия безраздельно господствует в "Признании": сюжетный ряд, в который выстраиваются конкретно-психологические детали и предметные ассоциации, включен полностью в поток интимных чувств и переживаний лирического героя. Однако, несмотря на известную замкнутость и однородность, сознание лирического поэта отличается ярко выраженной социально-психологической дифференциацией. В пушкинской пьесе формируется уже совершенно новая, ни на что не похожая структура, которую определяет "необычный для лирики, объективно-любознательный взгляд поэта" (А.В.Чичерин). При этом игровой момент и ошутимая фамильярность в выражении любовного чувства не отменяют интимности в отношениях героев и заставляют вспомнить ту "болтовню", которую так требовал пушкинский роман в стихах.

В сюжетно-композиционной структуре "Признания" открывается динамика свободных переходов от утверждающей оценки

к ниспровергающей: так, признание благотворной роли любви соседствует с аттестацией ее как “глупости несчастной”. Свободное варьирование диаметрально противоположных мотивов выражает склонность лирического героя к “противочувствиям”, выявляет “многомерность” его душевного мира, парадоксальную природу любовных отношений. Последнее слово в элегии Пушкина принадлежит не рефлектирующему сознанию, не холодному рассудку, а сердечной страсти, начисто исключающей всякое душевное спокойствие. Характерная еще для элегии Баратынского оппозиция “ум - сердце” (с обязательным приоритетом первого над вторым) подвергается у Пушкина последовательной инверсии (ср. “Я вдруг теряю весь свой ум” и “Любуюсь вами, как дитя”). Представляется также, что ироническое “Мне не к лицу и не по летам.../ Пора, пора мне быть умней!” полемически заострено против итогового “признания” Баратынского: “Не властны мы в самих себе / И слишком ветрено в младае наши лета / Даем нескромные обеты, / Смешные, может быть, всевидящей судьбе”. Показателен также пушкинский финал, пуантирующий ситуацию “вольного” любовного признания и полемически направленный против ведущего мотива элегии Баратынского: “Но притворитесь! Этот взгляд / Все может выразить так чудно! / Ах, обмануть меня не трудно!.. / Я сам обманываться рад!”.

Таким образом, Пушкин в своем “Признании” сознательно отталкивается от известного текста-прецедента, все дальше отходит от “монументальной формы романизированной элегии Баратынского. Он уже в полной мере учитывает характер ситуативности в воплощении лирической эмоции, решительно выступает против нормативности в осмыслении внутреннего мира человека. Органический сплав лирической стихии чувств и новеллистически изображенной предметно-событийной реальности будет характерен и для последующих стихотворений поэта, таких как “Подъезжая под Ижоры...” и “Калмычке”, “Заклинание” и “Для берегов отчизны дальней...”.